

МЕМОАРЫ

Об авторе | Светлана Шнитман-МакМиллин — литературовед, публицист, доцент Лондонского университета. Последняя публикация: «Встречи с Георгием Владимовым», «Знамя», № 7, 2018.

От автора | Георгий Владимов — литературный псевдоним Георгия Волосевича, которого семья и друзья называли Жорой. Эта история была рассказана мне и записана мною во время одного из приездов Владимова в Лондон. Все слова, приведённые без сносок, курсивом и в кавычках, — прямая цитата из рассказа Владимова.

Светлана Шнитман-МакМиллин

Становление писателя Георгия Владимова, или История о том, как Жора Волосевич на себя доносы писал

*Рвусь из жил, и из всех сухожилий,
Но сегодня не так, как вчера,
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!*

В. Высоцкий. «Охота на волков»

В 1946 году в стране царил атмосфера облегчения и робкой надежды. Страшная война была позади. Победа, завоёванная народной кровью, и нечеловеческие жертвы, принесённые измученной страной, казалось бы, давали право ожидать признания и доброты от кремлёвского тирана.

Но 14 августа 1946 года вышло постановление оргбюро ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». В Ленинград приехал любимец Сталина, главный идеолог партии А.А. Жданов, выступавший с речами, достойными обученного криминального авторитета. Читая сейчас пресловутое постановление и публичные ругательства, изрыгавшиеся Ждановым, трудно поверить, что такой язык был возможен в официальном дискурсе.

Вениамин Каверин в своих мемуарах писал:

«Так до сих пор и остаётся загадочным, чем было вызвано постановление ЦК от 14 августа 1946 года «О Журналах “Звезда” и “Ленинград”». О причинах внезапного нападения на Зощенко, Ахматову, «Серапионовых братьев» можно было только догадываться

— по меньшей мере, о причинах непосредственных, частных. Эти частные причины ничего не значили перед общей и даже всеобщей. Вот она-то теперь, через 30 лет, мне кажется, заключалась в том, что сразу после войны, после победы, унесшей миллионы жизней, в обществе наступила пора определённых надежд. Это были надежды на «послабление», на заслуженное доверие, на долгожданную человечность, на естественную, после всего пережитого, мягкость. По этим-то надеждам и решено было ударить, а так как в русской литературе во все времена и при любых обстоятельствах выражалась (или хотя бы бледной тенью отражалась) душа народа — в эту душу и было решено вонзить отравленный нож».¹

Удар этого отравленного ножа болезненно ощутили два мальчика, учившихся в Ленинградском суворовском училище. *«Мои волчата»*, — называл курсантов официальный патрон Лаврентий Берия, ожидая пополнения ими своих доблестных рядов. Спрятавшись в прокуренной внутренности стоявшего на территории училища немецкого танка, Гена Панарин и Жора Волосевич с возмущением обсуждали отвратительные выпады против любимого ими Михаила Зощенко. Прошлого Зощенко, офицера Первой мировой и Гражданской войн, внушало им глубокое уважение. *«...Чувство было такое, как будто в нашего друга плюнули и брызги попали нам в лицо»*. В тот год подростки попробовали писать роман-утопию об идеальной стране Юнгляндии со столицей Типперэри: *«Всё, что не нравилось нам на Родине, мы исправляли в романе»*. Из сочинительства ничего не вышло, так как при полном отсутствии неприятностей в их замечательной стране *«не происходило решительно ничего интересного»*. Но, раз взявшись за перо, они ощутили себя *«пишущими людьми, братьями по литературе»*. Поэтому было принято решение навестить Зощенко в форме училища, чтобы: *«...выразить коллеге и офицеру своё уважение и показать, что его приветствует армия»*.

В отношении Анны Ахматовой мальчики были не совсем уверены: стихов её они не читали, и в библиотеке училища их не было. Слова «будуар», «полумонахиня», «полублудница» были очень далеки от лексики суворовцев. Поэтому они обратились к *«главному эксперту по женскому вопросу»*, белокурой девочке Вике Масевич, в которую оба подростка были по уши влюблены. Пятнадцатилетняя прелестница *«на не прямой вопрос»* своих обожателей: *«...мол, что бы она сказала, если бы такие слова были сказаны о ней?»*, — томно и кокетливо протянула: *«А что... это было бы о-о-ч-чень интересно»*. Из чего мальчики сделали окончательный вывод, что: *«...Ахматову не особенно обидели, и идти к ней необязательно»*.

История краткого визита к Зощенко и абсурдный скандал, разразившийся в училище после неслыханного афронта *«волчат»*,

подробно описаны в последней неоконченной книге Владимирова «Долог путь до Типперэри»². Геннадий Панарин, мечтавший о Военной академии, был по окончании училища отправлен на дальнюю пограничную заставу, где вскоре погиб в результате несчастного случая. Окончивший училище с медалью Жора Волосевич, понимая, что военная карьера для него закрыта, в 1948 году поступил на юридический факультет Ленинградского университета имени Жданова: *«Было очень противно, что университет носил имя палача, но выбора не было»*. Матери его, Марии Оскаровне Зейфман, преподававшей в Суворовском училище русский язык и литературу, был вынесен *«строгий партийный выговор с предупреждением»* за плохое идеологическое воспитание сына. На этом, казалось бы, буря улеглась.

После жёсткого распорядка дня в училище Жора наслаждался свободой студенческой жизни, дававшей много времени для чтения. В университете у него вскоре появился новый и близкий друг, Илья Белявский. Интеллигентный мальчик из семьи потомственных юристов, он был не по возрасту начитан и образован. Его воспитанность и прекрасные манеры совершенно подкупили Марию Оскаровну, которая была очень довольна новой дружбой сына. И когда в 1949 году в Суворовском училище был организован культпоход на балет Рейнгольда Глиэра «Красный мак», она, купив три билета, пригласила и Илью.

Соседом по ряду оказался давний знакомый, капитан госбезопасности Мякушко, служивший ранее в особом отделе Суворовского училища. Капитан был не особенно доволен тем, что история с посещением Зоценко обошлась для участников *«малой кровью»*. Ко времени встречи на балете Мякушко перешёл на работу на Литейный и поступил в Юридическую академию. Но из Большого дома он продолжал *«курировать»* Суворовское училище. К Марии Оскаровне были приставлены стукачи, доносившие о её откровенных высказываниях по поводу антисемитского характера кампании *«против космополитизма»* и *«дела врачей»*.

И пока на балете очарованная публика с замиранием сердца смотрела, как прима-балерина *«летит, как пух Эола»* и *«быстрой ножкой ножку бьёт»*, в маленьких мозгах капитана созрел грандиозный план. Мякушко задумал: *«...раскрыть дело о преступной организации, связывающей Суворовское училище и университет. Он собирался представить «дело» в качестве своей дипломной работы»*. Капитан явно грезил о золотой звёздочке на погонах и *«красном дипломе»* в рамочке над столом.

«Но совсем уж туфту он в Юридическую академию представить не мог, там всё-таки были юристы-профессионалы. Ему нужна была хоть какая-то видимость»

реальности, преступной деятельности или антисоветских высказываний» задействованных персонажей. Увидев рядом с Марией Оскаровной и Жорой его нового товарища, капитан оживился. Наведя справки, он «пригласил» Илью Белявского на тайную встречу в квартиру на Лиговке. Там грубовато, без долгих речей и церемоний Мякушко потребовал от него писать доносы на Георгия Волосевича. «Вы не можете отказаться, мы Вас посвятили в секретное и важное задание. За Вашим другом Волосевичем числятся серьёзные поступки против советской системы, о которых Вы даже не подозреваете. Если Вы не враг, вы обязаны исполнить долг честного советского человека», — с нескрываемой угрозой в голосе нажимал капитан. У безупречно порядочного Ильи не хватило мужества отказаться. Но на следующий же день он открылся другу: «Что же нам теперь делать?» — в ужасе повторял он. Много позднее он рассказал Владимову, что в ночь после встречи с капитаном был близок к самоубийству. «Вы представляете себе, — сказал мне Георгий Николаевич, — сколько миллионов таких чистых мальчиков провели бессонные ночи, навсегда сломленные своим предательством».

Выслушав отчаянное признание друга, Жора отреагировал самым неожиданным образом: «А мы будем писать на меня доносы! Так лучше, у меня хоть контроль будет. Я сам буду их сочинять, а ты — переписывать своим почерком и отдавать “шефу”...».

Начался новый творческий период, очень далёкий от детского утопизма Юнгляндии. В течение двух лет студент-отличник юридического факультета Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова Жора Волосевич оттачивал своё перо в уникальном литературном жанре — писании на себя политических доносов в НКВД. Это казалось единственным спасением в страшном 1949 году: «Бесконечные разговоры о предателях, космополитах, «дело врачей», ужас весь этот, мрак. Это были мои студенческие годы, тем больше всего и запомнились». Именно в это время у Владимова выработалось резко отрицательное отношение к системе в целом: «Появилось чувство охоты: система пытается догнать и схватить, а я убежал, и чувствовал себя, как одинокий загнанный зверь, против которого — лес! Это было время, которое меня, как человека, сформировало. Появилась свехосторожность, лишний шаг я боялся сделать, и одновременно —развилась какая-то неслыханная авантюрная дерзость».

«Я сообразил, что для достоверности нужно, как говорят артисты, “войти в образ”, чтобы в доносах была последовательность. И выбрал маску этакого советского Че Гевары». «Таинственный шеф» — Мякушко требовал от Ильи сведений о том, чем его друг «недоволен». Из доносов, исправно поставляемых Ильёй, читалось, что студент Волосевич

недоволен: «...слишком медленным развитием мировой революции. Сам Ленин говорил о том, что нужно прорваться “штыком в Европу”. И ведь был такой шанс во время войны, “а мы его не использовали”. Могли же не только весь Берлин и западные земли Германии “победоносно защитить”, но и “Париж пощупать”!». Мякушко такие речи читал, по словам Ильи, с большим удивлением, и «даже вроде симпатизируя».

Но время шло, и капитан был крайне неудовлетворён результатами. Заветная звёздочка вместо погон улетала всё дальше в небо, а красный цвет диплома бледнел на глазах. Капитан требовал от Ильи вопросов, которые могли бы спровоцировать нужные ответы: «..про колхозы, например». В ответ Жора бойко изложил на бумаге свои детские впечатления от работы возчиком в киргизском колхозе, где он ребёнком жил в эвакуации. Гордо добавив, что там заработал свои первые копейки: «Времена, конечно, были голодными, но ведь шла война! Всем было трудно и голодно». Но изобретательный Мякушко не успокаивался. Приближался юбилей Сталина, и Илье следовало подбить друга на написание стихов о вожде. В ответ разразилась буря: «Разве можно халтурить, когда речь идёт о такой грандиозной, такой величественной теме! Я, к сожалению, недостаточно большой поэт, чтобы справиться с великой задачей. Она была бы под силу лишь Маяковскому!».

Постепенно тон Мякушко с Ильёй менялся. Начались обвинения в том, что: «...Ваш друг с Вами не откровенен». А может быть, и сам Илья не всё докладывает: «Например, о колхозах он некоторым своим другим друзьям и подругам совсем другое говорит».

Упоминание о «подругах» было неожиданным: «*Cherchez la femme*, — объявил Жора другу, — есть какая-то девка, которая несётся...». Открытие оказалось очень мучительным. Он был глубоко влюблён в девочку, с которой разговаривал о многом вполне откровенно. Думать, что она, возможно, «стучит», было непереносимо больно. Прекратив романтические свидания, он старался держаться от неё подальше. Иногда, встречая, пытался неумелыми вопросами навести её на случайное признание. Обиженная девочка недоумевала, почему он всё время рассказывает, как её видели на Литейном: «Что тебе дался этот Литейный?» — сердилась она, и на вопросы об адресах других явочных квартир, куда таскали Илью, только отмахивалась. Через несколько месяцев после неутешительного окончания романа выяснилось, что доносицей была вовсе не она. Всё произошло: «...как в известном анекдоте об объявлении на двери спецотдела: “Замок сломался, стучите по телефону”». Однажды секретарша факультета «по дурусти» зашла на лекцию и, перебив профессора, объявила на всю аудиторию: «“Битяй просят зайти в спецотдел”. Все смолкли, а Битяй, толстая красивая украинка, покраснев, как бурак, сидела

какое-то время, не двигаясь. А потом встала и быстро, опустив голову, вышла из аудитории». И Жора вспомнил, как однажды заболевший профессор принимал экзамены на дому. Студенты сидели в прихожей, и в какой-то момент Жора Волосевич пошутил, что сдаваемый предмет «Колхозное право» было бы справедливее назвать «Колхозным бесправием». На что Битяй радостно подхихикнула. И донесла в НКВД.

Материала «для дела о преступной организации» не добавлялось, и Мякушко решился на серьёзный расход. Илье отпускаясь колоссальная сумма — 160 рублей! «В те голодные послевоенные годы моя повышенная месячная стипендия была 390 рублей. Но чтобы посадить человека, они денег не жалели...». Илья должен был пригласить Жору в ресторан «Метрополь», чтобы отпраздновать свой день рождения и задать ему «вопросы»: «А мои люди посидят там, понаблюдают за вами, как вы общаетесь». Жора с Ильёй, впервые в жизни оказавшиеся в ресторане, с радостью попировали «на казённые деньги» блинами с икрой и фирменными шашлыками, но толку от этой баранины для капитана не вышло никакого. В конце концов, Мякушко надоело возиться, и он объявил Илье: «Ваш друг — не антисоветчик, но в мозгах у него — молочный кисель».

«Моя первая серьёзная литературная удача! И самый сладкий молочный кисель за всю мою жизнь!» — не без самодовольства улыбаясь, вспоминал Георгий Николаевич отзыв разочарованного капитана.

* * *

Но с матерью его, Марией Оскаровной Зейфман, капитан Мякушко был более удачлив.

Убеждённая коммунистка, человек искренний, страстный и очень открытый, она считала, что: «...Сталин и партия не могли быть виноваты», — в безобразиях, связанных с антисемитской истерией кампании «космополитизма» и «дела врачей», в вину которых она не верила совершенно. Происходящее в стране она считала «преступным отклонением от партийных норм». И решив, что вина лежит на главе НКВД Лаврентии Павловиче Бериин, она не скрывала своего отношения «к этому негодю». Рано созревший сын предупреждал мать и просил быть осторожной, но она удержаться не могла и «не считала нужным», и на отличную дипломную работу капитану Мякушко материала о ней хватило с лихвой.

16 декабря 1952 года Жора возвращался домой с тренировки по боксу с громадным синяком под правым глазом. Они жили в Петергофе, в комнате здания, принадлежащего Суворовскому училищу. Подходя к дому, он с радостью увидел свет в окне их комнаты. Это значило, что мать ждала его с горячим ужином. Впереди

был уютный вечер, вкусная еда, сладкий чай и долгое чтение в постели. У дома стояла легковая машина.

Как только Жора вошёл в комнату, раздался крик: «Оружие имеется?!». В вырванном из его рук спортивном чемоданчике невинно трепыхнулись чёрные боксёрские перчатки. Жору поразило, что: *«...они были в разных костюмах. Один в форме майора артиллерии³, другой — лейтенанта лётных войск, третий — капитан пехоты»*. В комнате шёл обыск. *«Решено Вашу мать арестовать, — объявил мнимый “артиллерист”, — а Вы продолжайте учиться, пользоваться тем, что вам Советская власть предоставила. Надеемся, что Вы вырастаете и будете настоящим советским человеком»*. Обыск продолжался до четырёх утра, перебирали и составляли опись вещей. Конфисковали сберегательную книжку с накоплениями Марии Оскаровны — 300 старых рублей⁴ и *«кольцо из жёлтого металла, 56 пробы»*. Мать потерянно стояла в углу. *«У нас и обыскивать-то было нечего: две койки с казённым бельём, полочка с посудой, примус на кухонном столике, за которым мы обедали и читали. Несколько книг Пушкина и парочка библиотечных. Чемодан под кроватью, где, в зависимости от сезона, хранились летние или зимние вещи. Может быть, им полагалось не меньше какого-то времени тратить на обыск. Ходили нахмуренные, надутые, молчали с важным видом. Стены несколько раз простукивали, за обоями колупали, ныряли на пол, как клоуны в цирке, подолгу рассматривали щели в потрескавшихся половицах»*. Наконец, объявили, что сын и мать могут проститься.

Он обнял вдруг задрожавшую мать и смотрел на её понурую спину, в топорщившемся пальто от заломанных ей за спину рук, обречённо бредущую к стоявшей на улице «Победе» неверными шагами. Мария Оскаровна хотела последний раз оглянуться на сына, но «артиллерист», пригнув сильной рукой её голову, грубо затолкал в машину. Жора стоял в тренировочном костюме один на зимнем морозе, глядя на заднее окно уезжавшей машины. Он видел исчезающую маленькую материнскую голову, испытав чувство: *«...такого отчаяния и беспомощности, которых я не чувствовал потом никогда в жизни»*. Чужие люди увозили в неизвестный и страшный мир единственного родного ему на земле человека. Они увозили — дом, её близость, горячую еду, вечернее наслаждение чтением. Его юность и молодость.

Той ночью, повзрослев в 21 год от роду, он остался — один в поле воин.

Через неделю Жору Волосевича «попёрли» из ведомственной комнаты. Он снял «угол» у хозяйки в Петергофе, так как на «угол» в Ленинграде денег не хватало. Начались долгие скитания по чужим «углам», где сердобольные хозяйки старались, жалея, подкормить,

чем могли, голодного жильца. Иногда пекли пироги с картошкой или яблоками для передачи матери. Ругали советскую власть на чём свет стоит: «...*ить и деревни им, кровопицам, не хватило!*», — сочувствовали, но плату им, нищим, за угол всё-таки надо было платить. Самым трудным было то, что намаявшиеся за день на тяжёлых работах женщины просили рано выключать свет и писать или читать по вечерам было невозможно. Стипендии не хватало, Георгий перешёл на заочный и работал, где и сколько мог. Он откладывал копейки, сколько получалось, на адвоката для матери в надежде после смерти Сталина добиться её освобождения... Илья с каждой стипендии, а потом зарплаты тоже ежемесячно вкладывал в эту копилку. С каждой возможностью Георгий посылал деньги и передавал посылки матери, стараясь уберечь её от голода, цинги и туберкулёза.

И писал. Сквозь одиночество, бездомность, мрак, голод и нищету, бросившегося ему на плечи «века-волкодава», Георгий Волосевич упорно и страстно шёл к своему рано осознанному призванию — литературе.

Он выстоял, победил и стал — Георгием Владимовым.

Послесловие

Мария Оскаровна Зейфман больше года сидела в одиночке на Литейном. Основным обвинением была её критика Лаврентия Берию, который ко времени её судебного процесса и приговора в 1954 году был расстрелян как «враг народа» и «английский шпион». Сообразительный сын, засунув записку в раздавленный пласт фиников, продававшихся на каждом углу вследствие дружбы СССР с Индией, известил её о происходящем в стране. Она попробовала защищаться, но была осуждена по статье 58.10, пункт 1: «*Антисоветская агитация и пропаганда*», так как: «...*подоплёка Ваших высказываний была всё-таки антисоветской*», — объяснил ей судья, седой полковник «с жирненьким лоснящимся лицом, пороху не нюхавший. И за эту «подоплёку» ей вlepили десять лет лагерей».

В январе 1955 года Марию Оскаровну, спепнувшую после несчастного случая в лагере, кассировали по состоянию здоровья. Но в реабилитации, которая дала бы ей пенсию и право на комнату, отказали. Она, как и сын, жила у разных хозяек в «углах», работая за копейки в какой-то конторе. Только после деятельного вмешательства и помощи Константина Симонова, уже в эпоху работы Владимова в «Новом мире» в 1957 году, Мария Оскаровна была реабилитирована и смогла получить пенсию и крышу над головой. Владимов трогательно заботился о ней всю жизнь, купив ей с первого гонорара за «Большую руду» квартиру в Пушкине: «*Она была счастлива близостью лица, парка — Пушкин был для неё царь и Бог*», — и стараясь скрасить и облегчить её жизнь, чем мог. Уезжая в Германию, Владимов хотел

забрать её с собой, но мать была к тому времени частично парализована и обузой сыну быть не хотела.

Илья Львович Белявский (1929–2010), юрист и адвокат, стал советником председателя Законодательного собрания СПб. Он оставался самым близким другом Георгия Николаевича. К нему обращено много писем из Германии. Белявский продолжал навещать Марию Оскаровну после вынужденной эмиграции Владимовых и помогал ей, чем мог. Когда Мария Оскаровна умерла 10 октября 1984 года, лишённого советского гражданства Владимова не пустили из Германии в СССР на её похороны. Его мать похоронил Илья Львович Белявский со своей внучкой.

Судьба капитана Мякушко мне неизвестна.

1 Каверин В. Эпизод, М., 1997. С. 70–71

2 Владимов Георгий. «Долог путь до Типперэри», Москва, «Вагриус», 2005.

3 Он был бессмертен в романе «Генерал и его армия», как любивший маскарад майор Смерша Светлооков.

4 Средняя зарплата преподавателя была в то время 770 рублей.